

Дуаньму Цин приказал погасить свет, и комната полностью погрузилась в темноту. Девятнадцатый, находясь в состоянии долгой потери сознания, большую часть времени спал, но теперь ему было трудно заснуть.

Он хотел поговорить с Дуаньму Цином, но боялся помешать его сну, хотя и знал, что тот тоже не спит. Так они молчали, не произнося ни слова, пока Девятнадцатый наконец не заснул.

Убедившись, что Девятнадцатый действительно спит, Дуаньму Цин аккуратно уложил его руки, поправил одеяло, накинул на себя верхнюю одежду и бесшумно вышел из комнаты, не издав ни звука, словно никто и не покидал её.

Выйдя наружу, Дуаньму Цин, который слишком долго притворялся перед Девятнадцатым, больше не мог сдерживаться и закашлялся, изо рта хлынула кровь, мгновенно пропитав его одежду.

Он вытер кровь рукой и направился в Павильон Тайных Стражей к Пятнадцатому.

Он был заражён гу, и ранее, когда Девятнадцатый находился без сознания, Дуаньму Цин обнаружил в его теле нечто странное, пытаясь избавить его от Порошка обратного потока. Кто-то подселил в Девятнадцатого гу, и хотя неизвестно, заметил ли он это сам, Дуаньму Цин предполагал, что, будучи мастером ядов, Девятнадцатый наверняка знал, что Шэнь Нань сделал с ним.

Поскольку гу в теле Девятнадцатого не проявляло активности, даже Пятнадцатый, знаток в этом деле, не смог ничего обнаружить. Однако, когда Дуаньму Цин использовал свою энергию для лечения Девятнадцатого, он случайно перенёс гу на себя.

Раньше симптомы отсутствовали, но после завершения сеанса он почувствовал, как его костный мозг словно разъедают, а по телу ползают тысячи насекомых. Поэтому он хотел сначала уложить Девятнадцатого спать, а затем найти Пятнадцатого, но Девятнадцатый не отпускал его, и пришлось усыпить его, чтобы выйти.

Пятнадцатый осмотрел его и сказал:

— Это не обычный Гу Десяти Тысяч Насекомых. Его выращивали десятилетиями, используя человеческие жизни и кровь. Такие гу крайне редки, так как метод их создания слишком жесток, и обычно их владельцы считают их сокровищами, не желая показывать.

Дуаньму Цин прищурился. Если это так, то, следуя за гу, можно было бы найти его хозяина и, таким образом, выйти на закулисного манипулятора. Эти люди действительно приложили немало усилий, чтобы заполучить Девятнадцатого.

— Есть ли способ извлечь его?

Дуаньму Цин опасался, что Девятнадцатый скоро проснётся. Нужно было поторопиться, чтобы тот ничего не заметил.

— Есть, но для этого потребуется среда ещё более кровавая, чем та, в которой он жил. Только почувствовав кровь и смерть, он захочет выйти.

— Пока оставим это. Есть ли способ временно подавить его?

— Да, но мне придётся ввести иглы в ваше тело.

— Хорошо, сделаем это быстро.

Дуаньму Цин протянул запястье, позволяя Пятнадцатому действовать.

Когда Пятнадцатый закончил, Дуаньму Цин уже был весь в поту. Боясь, что Девятнадцатый заметит, он облился холодной водой, а затем использовал внутреннюю энергию, чтобы изгнать холод.

Перед уходом он не забыл напомнить Пятнадцатому:

— Не забудь, если Девятнадцатый спросит, скажи, что гу уже извлечён. Не дай ему волноваться.

Хотя следование за Гу Десяти Тысяч Насекомых могло привести к разгадке, Дуаньму Цин уже потерял терпение. Как говорится, перед абсолютной силой всё остальное — пыль.

Он уже понял, что не важно, удастся ли найти закулисного манипулятора или узнать, кто он. Главное — уничтожить их опорные пункты по всей стране, нанести им серьёзный урон и затем добить.

Даже если они захотят найти истинного виновника, после такого удара по их организации, он непременно покажется.

Дуаньму Цин не заботился об этом. Ему нужно было лишь убить всех, кто мог угрожать жизни Девятнадцатого. Он хотел, чтобы все знали: люди из Башни Цинчэн — не лёгкая добыча для кого попало.

Оскорбить Девятнадцатого — значит оскорбить Дуаньму Цина. А о том, какие последствия ждут тех, кто оскорбил Дуаньму Цина, пусть расскажут те, кто уже испытал это на себе.

Дуаньму Цин улыбнулся с кровожадным выражением. Пока Девятнадцатый был без сознания, он не только ухаживал за ним, но и кое-что ещё успел сделать.

Он отдал приказ всем опорным пунктам Башни Цинчэн подавлять Врата Гу и всех, кто подозревался в связях с ними, любой ценой. Лучше убить три тысячи невинных, чем пропустить одного виновного. Таковы были его слова, и ему было всё равно, что говорят в народе. Он никогда не был святошей, и его жестокость была хорошо известна ещё со времён уничтожения Павильона Гуюэ.

Первыми под раздачу попали владельцы борделей в городе Лун. Их казнили на месте, без допросов и объяснений. Их коллеги уже объяснят им всё в мире мёртвых.

Таким образом, в течение долгого времени ученики Врата Гу жили в крайне тяжёлых условиях.

Дуаньму Цин не только убивал их людей, но и грабил их богатства. Врата Гу и так не были богаты, зарабатывая грязными методами, но они не ожидали, что Дуаньму Цин окажется ещё более беспринципным. Его методы превосходили их собственные.

За это время владения Башни Цинчэн значительно расширились, и всё благодаря им.

Шэнь Нань и другие, захваченные в городе Лун, были заточены в подземелье. Остальных держали вместе, а Шэнь Наня поместили в отдельную камеру, обеспечив ему особый уход.

Подземелье было тем самым, знакомым местом. Шэнь Нань был измучен до неузнаваемости по

сравнению с прошлым разом. Дуаньму Цин был жесток, особенно с теми, кто причинял вред Девятнадцатому, и Шэнь Нань уже испытал это на себе, но продолжал нарушать запреты.

Он сломал десять пальцев Девятнадцатого, и Дуаньму Цин не пощадил даже его пальцы ног, вырвав ногти и сломав их. Он приказал нескольким людям одновременно сломать пальцы рук и ног, и боль была невыносимой для обычного человека.

Шэнь Нань уже не знал, что болит сильнее, и вскоре потерял сознание. Дуаньму Цин приказал облить его водой, чтобы продолжить пытку.

В бессознательном состоянии нельзя почувствовать боль, и Дуаньму Цин не позволил бы Шэнь Наню так легко отделаться. Он хотел, чтобы тот страдал в полном сознании.

Шэнь Нань снова потерял сознание, и его снова облили водой, на этот раз солёной, как он сам делал с Девятнадцатым. Шэнь Нань уже не чувствовал боли, но Дуаньму Цин не остановился, заменив солёную воду на перечный раствор, чтобы усилить страдания.

Шэнь Нань покраснел от жгучей боли, крича, как резанный поросёнок. Дуаньму Цин приказал заткнуть ему рот и прижечь раны раскалённым железом. Чем больше страдал Шэнь Нань, тем больше радовался Дуаньму Цин. Он хотел, чтобы Шэнь Нань испытал в тысячу раз больше боли, чем Девятнадцатый.

Девятнадцатый уже несколько дней как пришёл в себя, и Дуаньму Цин, занятый уходом за ним, не уделял внимания Шэнь Наню, но тому всё равно было несладко. Если Дуаньму Цин не приходил, за него это делали тайные стражи, и всё по его приказу.

Шэнь Наня, уже беспомощного, кормили снадобьями и заставляли терпеть унижения день и ночь. Дуаньму Цин специально нанял крепких мужчин для этой цели.

Дуаньму Цин читал Девятнадцатому истории, а тот лежал у него на коленях, полузакрыв глаза и наслаждаясь его голосом. Его руки ещё не полностью зажили, но остальные раны уже почти прошли. Тем не менее, Дуаньму Цин продолжал заботиться о нём, боясь, что он может случайно пораниться.

Он спрашивал Дуаньму Цина о гу, но тот вместе с Пятнадцатым обманул его, сказав, что проблема решена. К счастью, руки Девятнадцатого были ещё слишком слабы, чтобы проверить пульс, а Дуаньму Цин никогда не показывал признаков недомогания, иначе обман бы раскрылся.

Гу Десяти Тысяч Насекомых было внедрено в тело Девятнадцатого Шэнь Нанем, когда тот был тяжело ранен и без сознания. Вероятно, это было сделано, чтобы позже контролировать его разум, но Дуаньму Цин появился слишком быстро.

Охранник постучал в дверь и прошептал Дуаньму Цину на ухо:

— Лоу Чжу, из подземелья передают, что Шэнь Нань пытался покончить с собой, но его остановили.

Дуаньму Цин усмехнулся и приказал:

— Сегодня остановимся.

Ха, самоубийство? Не так легко. Пусть отдохнёт, чтобы завтра встретить ещё более страшные

пытки. Дуаньму Цин хотел не только разрушить тело Шэнь Наня, но и сломить его разум. У Шэнь Наня больше не было будущего. Он умрёт только тогда, когда Дуаньму Цин устанет от него или Девятнадцатый захочет его убить.

Авторские примечания:

Дуаньму Цин: Счастье делится пополам, беды — тоже. Если жена ранена, муж не может оставаться в стороне.

Девятнадцатый: Не надо! Если ты умрёшь, кто тогда будет мной заниматься?!

<http://bllate.org/book/16706/1535139>